

IN MEMORIAM

В ЦАРСТВЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МИСТЕРИЙ

Стихи Башлачева — это своего рода поэтические мистерии, каждое действие которых рождает и совершенствует культ слова.

Все древние мистерии человечества, так или иначе, имели целью слить часть с целым, индивидуальное сознание с Абсолютным Разумом, мимолетное соединение с которым давало мисту шанс заглянуть в загадочные, недоступные простому смертному сферы бытия. Посвященные в мистериальные таинства, расширяя пределы познания, обретали «идею жизни», открывали новый, более глубокий смысл своего существования в условиях реального мира. Согласно представлениям древних, человек — важнейшее звено Природы — в потенции своей уже обладает основами Великого Знания, которое, однако, может проявиться только посредством мистического слияния с демиургом, и тогда человек находит себя, выступая из хаоса недосказанности и мерцаний.

В поэтическом мире Александра Башлачева аналогичные метаморфозы происходят со словом — важнейшим элементом текста, — которое, будучи носителем той или иной информации, обнаруживает в своей фонетической структуре наличие иного, более совершенного смысла. Вычленив эту «идею слова» поэту удастся путем соотнесения двух созвучных слов, из которых одно дает смысл другому:

Хоть смерть меня смерть,
Да хоть держись меня, жизнь...

Или:

Зима жмет земное. Все вести — весной.

(«Тесто»)

Аллитерация, активно используя Башлачевым в своей основной функции — выделять и скреплять значимые слова, — помимо того есть действенный способ извлечения из слова закодированного в его буквах истинного смысла.

Особенность поэтического языка Башлачева в его подвижности, за счет которой и возникает неповторимая полифония смыслов.

Пока пою, пока дышу, дышу и ду́шу не душú,
В себе я многое глушу — чего б не смыть плевка?

(«Случай в Сибири»)

Отнюдь не случайно в данном случае расположение слова «душа» между словами с диаметрально противоположными значениями: «дышать» и «душить». С одной стороны — жизненно важное свойство человека и организма вообще — способность дышать, а, следовательно, жить, а с другой — действие, перекрывающее доступ кислорода в легкие, а, следовательно, несущее смерть. И между этими, столь разными понятиями, помещается «душа» — единственно подлинная ценность человека, находящаяся в центре извечной борьбы жизни и небытия.

Еще одно важное связующее звено поэзии Башлачева и мистериальных культов — смерть, являвшаяся для посвящаемых в древние таинства первейшим средством освобождения духа и сознания от власти плоти, а для Башлачева — постоянным, пугающим своей почти реальной осязаемостью, фоном, на который проецировалась проблематика его произведений. И даже если в отдельных стихах Башлачева не было ни строчки о смерти, ее зловещая тень виделась за каждым словом, за каждой мыслью. Ощущение близости смерти, обостренное у поэта до предела, позволило ему с поразительной точностью предсказать обстоятельства собственной смерти:

Я знаю, зима — в роли моей вдовы.

(«Ночь плюет на стекло черным...»)

Рекламный плакат последней весны

Качает квадрат окна.

(«Все от винта!»)

Мистериальная «смерть» неизбежно венчалась «воскрешением», делавшим уход миста из мира иллюзорным и кратковременным, свою же смерть Башлачев, не любивший обманчивых полутонов, решил увидеть реально — он уходил, чтобы не вернуться. И если мы не смогли, а может быть, и не за-

хотели охранить поэта от того трагического прыжка из окна питерской квартиры, так давайте хоть теперь вернем свои долги и с запоздалой, но искренней благодарностью прикоснемся к поэтическим сокровищам Александра Башлачева.

Валерий Шаповалов

18 февраля исполняется 5 лет со дня трагической смерти Александра Башлачева — поэта, музыканта, исполнителя. Он ушел, когда ему было всего 27. Ушел, не прощаясь, оставив после себя около 60-ти песен, Каждая из которых есть попытка проникнуть в таинство русского слова. Памяти поэта посвящается эта публикация.

Александр Башлачев

Вечный пост

Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!
Я пойду смотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь. •
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь!
Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей черные сухари.
Раскрошу да брошу до самых звезд,
Гори-гори ясно! Гори
По Руси, по матушке— Вечный пост.

Хлебом с болью встретят златые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни, покуда не грянет Гром!

Завяжи мой глас песней на ветру!
Положи ей властью на имена!
Я пойду смотреть, как твою сестру
роют сваты втемную, в три бревна.

Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь,
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.

Испокон сродни черной ереси. '
На клинках клялись. Пели до петли.
Да с кем ни куролесь, где ни колеси,
А живи как есть — в три погибели.

Как в глухом лесу плачет черный дрозд. ;->*
Как присело солнце с пустым ведром. ■
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господь, покуда не грянет Гром!

Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть — как место на звон мечом,
Если все вершины на свой аршин,
Если в том, что есть, видишь, что почем.

Но серпы в ребре, да серебро в ведре,
Я узрел не зря. Я — боль яблока.
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведет к роднику быка.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, Худом ли, Добром,
'Вечный пост, умойся в моей любви!!
Небо — с общину.
Все небо — с общину.
Мы празднуем первый Гром!

Посошок

Эх, налей посошок да зашей мой мешок —
На строку — по стежку, а на слова — по два шва.

И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.

Отпевайте немых! А я уж сам отпою.
А ты меня не щади — срежь ударом копья.
Но гляди — на груди повело полынью,
Расцарапав края, бьется в ране ладья;

И запел алый ключ. Закипел, забурлил...
Завертело ладью на веселом ручье.
А я еще посолил. Рюмкой водки долил,
Размешал и поплыл в преисподнем белье.

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
■ Покрути языком — Оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.

— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Если хочешь, стихами грехи замолю.
Объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?

Ни узды, ни седла. Всех в расход. Все дотла.
Но кое-как запрягла. И вон — пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.

И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси — сохрани»,
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что, брат, давай! Ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдастся, и ты мне знаком...
Часовой всех времен улыбнется: — Смотри! —
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок да наливай посошок!
На строку — по глотку, а на слова — и все два,
И пусть сырая метель все кроит белый шелк.
Мелко вьет канитель да плетет кружева.